ТОГДА :

Эймонд твердо верил, что его сила заключается в его контроле: в твердом самообладании, которое он культивировал; в удивительном таланте, которым он был благословлен и отточен до лезвия бритвы, пока он не стал мастером всех своих начинаний; в его остром чувстве слабости — способность находить изъяны в любых доспехах и пробивать там, где рана будет тяжелее всего, будет дольше всего кровоточить; раскопать и использовать самые глубокие раны.

Его отец, однако, всегда говорил, что никакая цепь не может долго удерживать дракона.

Никакая видимая сдержанность не могла сдержать изменчивую ртутную ярость Таргариенов. Эймонд был настоящей кровью дракона: злобный и безжалостный, открытый в своей свирепости. Его гнев не поднимался, он ревел в чистую, белую ярость, от которой его кровь горячилась, как магма, кипела и шипела, когда она громоподобно мчалась по его венам и давала ему ярость, как оружие, - и с гневом пришла ужасная, темная ясность. и холод, который обжигал, как никто другой.

Свиток смялся в его кулаке.

«Это я должен быть — это я должен быть — это я должен быть» — горькие тайные истины злобно плясали в его голове. Он стал причиной этого? Неужели он создал его своими тайными желаниями и желаниями? Его предательское, алчное сердце?

Мускул на его челюсти дернулся, злость, мерцающая за его взглядом, сместилась, взболталась — стала темнее, кровавее. Его мысли обратились к его бедной сестре и матери, его юным племяннику и племяннику, его обожженному, прикованному к постели брату, заточенному в Королевской Гавани на милость Рейниры.

Демон обманул их. Эйемонд и Коул прошли весь путь до Харренхолла с половиной королевской армии и обнаружили, что там нет его дяди. Руки Эймонда начали трястись, от силы его хватки на рукояти меча костяшки пальцев побелели как мел.

Глубоко внутри него раздался ворчливый голос, который говорил ему, что безрассудно покидать Королевскую Гавань без защиты Вхагара, что Деймон и его войско были уловкой, всего лишь тенью настоящей опасности. И все же он не слушал. Он позволил страху перед другими поколебать его решимость, убедить себя в том, что правильно было сокрушить дядю в начале войны, сокрушить самых сильных, быстрых и жестоких Рейниры.

« Ты самый смелый из нас , самый острый меч . Сир Кристон не может победить Деймона в одиночку . Ты дракон . Будь драконом . Принеси мне его голову , брат . Для моего сына ».

Это была вина Эймонда, и что бы ни случилось с его семьей отныне, это была только его вина.

Его взгляд окинул двор.

Все, кого его войска нашли в Харренхолле, стояли на коленях: солдаты, слуги, лорд Саймон Стронг и его внуки. Этот человек был древним, рассыпающимся реликтом — дедушкой этого змея Лариса, гнусной бородавкой у матери.

Эймонд кружил вокруг пленников, как охотник, высматривающий свою добычу. — Лорд Саймон, вы гораздо проницательнее, чем я думал. И гораздо более амбициозный».

«Простите, мой принц? Я не знаю, о чем вы говорите».

Эймонд склонил голову набок, его длинные волосы упали на одно плечо. Голос у него был спокойный и ровный, почти приятный — разговорный. Его губы скривились полумесяцем, что мало помогло растопить холод в его глазах. Под его хладнокровием и собранностью скрывалось скрытое течение чистой, настоящей ярости, бурлящей под поверхностью.

— Вы предатель, милорд Стронг. Вы вступили в сговор с моим дядей и теперь должны ответить за свои преступления.

Ненависть в нем горела .

Предатели тоже будут, решил он. Каждый. Одинокий. Один.

Это я должен быть — это я …

□□□

СЕЙЧАС :

Мать Эймонда любила говорить, что он был вдохновителем собственного разрушения.

Невероятно упрямая и слишком гордая, чтобы уступить, она сокрушалась, ее пальцы были мягкими, когда она расчесывала его серебристые волосы. С умом, слишком острым и быстрым для осторожности, и смелым и свирепым характером — мужеством, которое поднялось перед лицом опасности и невзгод. Ты не робеешь , сын мой , ни перед долгом, ни перед бедой ; бескомпромиссный и праведный , и , чаще всего , в корне ваших проблем .

Вот почему, когда Эйемонд оказался в глуши, голодный, без крова и подходящей одежды, он понял, что это была его собственная чертова вина.

Разумный человек остался бы с мужиками в хуторе до траура и не ходил бы ночью по лесу; оделся бы лучше, чем в кожаные галифе и белую ситцевую рубашку с широким вырезом и свободными рукавами; взял бы одеяло и спальный мешок или хотя бы плащ. Но сообразительность не была чувствительностью, и Эйемонд, полностью владевший первым, никогда не претендовал на владение вторым.

Он посмотрел вниз, рот скривился, а желудок скрутило от голода… и отвращения.

В расставленные им ловушки попался его обед — тощая коричневая белка. Значительно хуже, чем кролик, но гораздо лучше, чем поедание крыс. Эймонд привык терпеть все виды унижений во время войны, включая поедание скупого мяса грызунов.

В приближающихся сумерках слабое пламя углей в его временном лагере было едва заметно. Он бросил несколько сухих веток в зольник, подпитывая огонь, и уселся на землю рядом с ним, прислонившись спиной к широкому стволу дерева, и вынул из сапога кинжал, сдирая с добычи шкуру.

Эймонд осторожно стянул шкуру с мускулов и тканей, обнажая розовые сухожилия и красную плоть. Следующим было потрошение, обнажение и удаление органов и кишок, а затем промывание мяса. Это была бессмысленная, утомительная работа, но она давала его рукам занятие.

Эймонд закопал отходы и останки в землю, насадил белку на длинную заостренную палку и посадил ее между двумя раздвоенными палками, воткнутыми в землю по обе стороны от

костровой ямы. Эймонд откинулся на спинку ствола дерева и наблюдал, как языки пламени танцуют внутри огня, меняя цвета и формы, чернея и ломая дерево, которое его питало. Он согнул руку с мечом, напрягая мышцы.

После двух дней пути через лес, по его собственным расчетам, ему потребуется полдня, чтобы добраться до Харренхолла.

Там Элис ждет меня , подумал он. Элис с ее непоколебимой, набожной верой в судьбу, в ее огонь и ее видения - в его прославленную цель. Многие называли ее прекрасной, и Эйемонд предполагал, что она такой и была — красивой и ужасной, и в ее огненно-зеленых глазах пылал пыл их пламени. Элис будет ждать его, как бы долго он ни отсутствовал. Она будет искать новости о его семье в своих огнях и успокаивать его от его беспокойства.

« Твой сын будет королем ».

Эймонд сел и уставился в огонь, слова преследовали его.

Он был принцем королевства, но, прежде всего, он был вторым сыном, у которого не было ничего, кроме пустого титула, его ума и его меча, и самого старого и самого большого дракона в мире. Теперь даже не это.

Вхагар сделал из него нечто большее, чем ненужного принца, одноглазую угрозу, поднял его из одиночества и страданий и превратил в легенду. Под ребрами была постоянная тупая боль — ощущение бесконечной пустоты; недостающая часть, где находился осколок сердца Вхагара. Он нежно любил ее, свою Великую Леди, свою прекрасную старую девочку.

В огне треснула ветка, и Эйемонд инстинктивно взялся за свое слово, но лес был тих, наполнен только звуками ночной фауны. Он проверил свой обед и обнаружил, что мясо готово. Пока он ел в тишине, Эймонд смотрел в ночное небо, пытаясь разглядеть звезды. Ночь была черной и безлунной, и небо было ясным.

Мальчиком он выучил свои звезды — названия двенадцати небесных домов и правила каждого из них; семь странников, посвященных Вере Семи, и известные созвездия. Он мог видеть Фонарь Старухи — четыре яркие звезды, окруженные золотой дымкой, указывающие на запад; Королевская корона, Shadowcat и Ghost. Он искал Ледяного Дракона, блуждая взглядом по бархатно-черному, гоняясь за синей звездой в глазу всадника, но Эйемонд не нашел ее и пожалел, что у него под рукой не мирийское дальнозоркость.

Мох на деревьях указывал ему на север, но использовать звезды в качестве ориентира было вернее, вернее — так, как он научился путешествовать верхом на драконе.

Независимо от того. Так или иначе, он доберется до Харренхолла.

Утолив голод, Эйемонд погасил огонь и устроился на грубой коре, желая заснуть.

Твой сын будет королем .

Король .

Король .

Слово прокатилось в его голове, как полированный мрамор. Когда Эйемонд наконец заснул, ему приснился дом.

□□□

Полдень застал Эймонда измученным и усталым до костей.

Его тело болело. Его раны были еще свежими - он больше левый бок из-за обширных кровоподтеков, удар по голове, который он получил, оставил пульсирующую головную боль в затылке. Его зрение почти полностью вернулось, но все по-прежнему было размытым, как будто он открыл глаз под водой.

Спать на неровной холодной земле было достаточно плохо, но ночью сгущались тучи и небо плакало, пробирая его до мозга костей. Подлесок под его ногами был гибким и влажным — гладким и мокрым от дождя; насыщенный и ароматный петрикором. Плотный полог закрывал большую часть солнечного света и окутывал Эймонда фиолетовыми сумерками, отбрасывая длинные тени на землю перед ним и скрывая все, что лежало за окружающими деревьями.

Это не имело значения. Ясное зрение не было для него необходимым условием для достижения цели…

…по крайней мере, так он сказал себе, прежде чем споткнуться о открытые корни дуба.

Отдыхать пора , решил он.

Ему потребовалось десять минут, чтобы добраться до тонкого извилистого ручья, который он слышал издалека. Он был глубоким, с чистой водой и окружен высокой травой. Эймонд бросил мешок, который носил с доспехами, и метнул трость, которую вырезал из ветки казенного дерева. Он расстегнул Темную Сестру и свои кинжалы, снял кожу и ботинки и одним плавным движением избавился от грязной рубашки, а затем и от повязки на глазу. На нем не было нижнего белья, как обычно, и он вошел в ручей голым, пока вода не достигла ему пупка.

Вода была холодной — она охлаждала его внутренности и кусала кожу, вызывая дрожь в конечностях, но Эймонд чувствовал себя освеженным и бодрым. Он выстирал свою рубашку, как только мог, и использовал мокрую тряпку вместо обычной грубой тряпки, чтобы вытереться. Эймонд погрузился под воду раз, два, три; пока его волосы не были тщательно смочены и вымыты. Он встал, расчесывая пальцами свои длинные серебристые волосы, вода струилась ручьями по его спине и груди, и пожалел, что у него нет хотя бы куска мыла. Не годится ловить вшей в глуши.

Выбравшись из ручья, Эйемонд повесил рубашку на низкую ветку, чтобы дать ей высохнуть, и занялся своими делами: заплел волосы в косу на спине, снова надел кожаные сапоги и ботинки и закрепил оружие на поясе. человек. Он отказался от повязки на глазу — у него была старая рана, много раз исполосованная шрамами, но ей помог свежий воздух.

Он вытащил из мешка розовое яблоко и откусил его. Когда его кровь остыла, а разум освободился от жажды крови, Эймонд мог признать, что был, возможно, менее чем галантным по отношению к простой семье, которая вытащила его из озера и вскормила. Он позаботится о том, чтобы предоставить им награду — благо, достойное внимания принца.

Он откинул голову назад и наслаждался покоем момента. Как солнечный свет струился сквозь навес наверху, как нежно журчала бегущая вода и сладкая, щебечущая песня соловья. Он почувствовал, как что-то коснулось его колена — бабочка. Это была красивая вещь; пятидюймовый размах крыльев и яркая переливающаяся синяя окраска. Что-то похожее на улыбку искривило его рот. Хелене хотелось бы увидеть этот образец. Он задумался, не поймать ли его, чтобы подарить своей сестре для ее обширной коллекции.

Как только пришла мысль, она исчезла, а вместе с ней и вся радость.

Его сестра больше не находила удовольствия в насекомых и жуках, она ни в чем не находила ни радости, ни печали — она стала заколдованным существом, маленьким и молчаливым. Она не ненавидела его, как бы он этого ни хотел, — она терпела его слезливые сожаления и его несчастье мягкой рукой и пустым лицом. Она дарила ему свою привязанность и принимала его преданность, как будто ничего не изменилось, — и все же Хелена плыла по жизни, как непривязанный призрак, не привязанный ни к чему, даже к своим оставшимся детям.

Джейхейрис , Майелор , Хелена .

Эймонд не смог их спасти, но стремился отомстить за них. Жалкий обмен: кровавая месть не вдохнет жизнь в его племянника и не восстановит разум Хелены. И все же это было все, что Эйемонд мог предложить — он не сеял, он был просто жнецом долгов.

Смерть купила жизнь?

Принесло ли покаяние искупление?

Эймонд никогда не был религиозен. Ближе всего к вере он сохранил способность назвать всех богов Старой Валирии, не нарушая ни порядка, ни произношения. Кроме того, его интерес к Вере всегда был чисто академическим. Он задавался вопросом, однако, имеет ли его мать право на это: если долг и жертва были единственными двумя столпами, на которых можно поддерживать свою добродетель. Если бы честь заключалась не в том, что человек сделал или сказал, а в выборе, который он сделал. Снова и снова делать трудный выбор — сила, чтобы выбрать меньшее из зол и жить с последствиями.

Эймонд не думал, что в нем еще осталось хоть немного чести. Но он хорошо знал долг — он построил себя на его непреклонных костях. Оно проникло в него, как яд: оно было в молоке, которое он сосал в младенчестве, в меде, который он ел, и в вине, которое он пил. Долг был в основе его преданности; оно приведет его домой и проследит за исполнением его клятвы — это все, что у него осталось.

Долг и месть — два великих огня, которые горели в нем, давая ему цель пройти через войну.

Одеваясь и поправляя повязку на глазу, он услышал приглушенные крики. Тут же его рука легла на рукоять Темной Сестры, и по его телу пронесся темный гул. Он напряг слух. Там — на юге, вдалеке: шум, возгласы и пронзительный визг.

Воздух был теплым и тяжелым от аромата цветов, зеленые леса были высокими и в полном цвету, а сердце Эймонда гулко стучало внутри него. Каждый шаг был легким, быстрым, беззвучным; каждый шаг приближал его к сутолоке, и тревога раздувалась в нем, как пламенный мешок дракона.

Он знал, что увидит, еще до того, как приблизится к поляне.

В промежутке между двумя стволами деревьев он увидел поляну секвойи, а на ней восемь человек, один из которых был трупом. Один рылся в доспехах павшего рыцаря; худощавый худощавый мужчина прислонился к бревну и громко запел второй куплет « Храброго Дэнни Флинта » . Его голос заглушал пронзительные, плачущие крики девушки; еще трое прижимали ее к земле, пока рыжеволосый мужчина возился со шнурками на своих брюках. Последний мужчина был уродливым ублюдком — высоким и широкоплечим, с лицом, похожим на зад личинки. Единственный из разбойников в доспехах, он сидел на пне и пил из бурдюка,

наблюдая за происходящим.

Семь, глухо отметил Эймонд.

Девушка вывихнула ногу и ударила пяткой по лицу ближайшего к ней мужчины. Он отшатнулся, обильно ругаясь — она сломала ему нос, его кровь пролилась на ее юбки. Он зарычал и ударил ее ногой по ребрам с такой силой, что они сломались. Девушка взвыла от боли, но все же попыталась пнуть другого нападавшего. Она поцарапала и укусила третьего мужчину, прежде чем он ударил ее по щеке кулаком. Ее голова ненадежно откинулась назад, но удар не успокоил ее — скорее, она закричала еще громче, потеряв равновесие в своем отчаянии.

Семь, а Эймонд был ранен, устал и полуслеп — в значительно невыгодном положении.

Кого ты увидишь там в темноте?

Раздался буйный мужской смех, развратный и зловещий. Крики девушки достигли апогея. Она выла, свирепо и дико — в отчаянии.

Когда никто не смотрит, кем ты будешь?

Эймонд был принцем-регентом, защитником королевства: он был мечом своего брата, щитом своей матери — он был коронным кинжалом из валирийской стали в темноте. Возможно, он потерял Вхагара, но было одно дело, в котором он был хорош — всегда был хорош: сражаться.

Эймонд ответил на зов песни крови тихим шипением обнажённой Темной Сестры.

У него не было выбора.

Он не предупредил.

В бою честь была для тех, кто мог себе это позволить. Эймонд не вышел на поляну с мечом в руке и не предупредил людей о своем присутствии. Вместо этого он выдернул из ботинка кинжал и отправил его в полет. Клинок по самую рукоять вонзился в глазницу ближайшего к нему долговязого мужчины, уронив тело с глухим стуком и оборвавшимся стихом.

Шестеро оставшихся разбойников бросились за оружием, но Эймонд уже выскочил из леса. Темная Сестра красиво пела, разрезая мужчину от пупка до грудины, прежде чем он успел обнажить свою сталь.

Эймонд пригнулся под ударом вражеского меча и перекатился, Темная Сестра рубанула близко к земле и разрезала мужчину по лодыжкам, повалив его, когда он схватился за обрубки и прокричал кровавое убийство. Другой человек нырнул на него, и Эйемонд развернулся, направив инерцию нападавшего против себя и вонзив колено ему в живот, а затем вонзил кинжал, который он сорвал с пояса, по самую рукоятку, в его шею, прежде чем выдернуть его — все одним плавным движением. , непрерывное движение. Мужчина рухнул, умер, а Эймонд продолжал двигаться.

Темная Сестра не была похожа ни на один меч, с которым Эймонд обращался раньше, — легче и прочнее любой стали, выкованной в замке, она прорезала кости и сухожилия так же легко, как масло. Клинок жаждал жизненной силы, дрожал от жажды, и долг Эймонда состоял в том, чтобы удовлетворить его темные желания. Его долг… и его удовольствие.

Рыжеволосый мужчина схватился за расстегнутые штаны одной рукой, когда он замахнулся на Эймонда неуклюже, медленно дугой, и тот без усилий парировал удар. Клинок вылетел из руки атакующего, и победа пульсировала в Эймонде, как сладкое вино. Он ударил мужчину, и тот отлетел назад. Прежде чем он успел подняться, Эйемонд набросился на него, вонзив сапог ему в грудь и пронзив череп мечом.

Бесполезные, все они.

Неужели его действительно беспокоило количество этих отбросов? Нелепо. К черту цифры, к черту недостатки; это был способ Семерки гарантировать тем, кто столкнется с ним, шанс на честную борьбу. Ни один человек не мог устоять перед драконом, и это были не люди, а просто крысы из водосточных желобов, ссорившиеся между собой среди пустоши.

Оставшиеся двое окружили его — невысокий тощий мужчина и большой уродливый ублюдок в доспехах. Эйемонд с любопытством наблюдал за ними, зрачок его глаза расширился, а выражение лица стало маниакальным. Он рожден для этого — для борьбы, для убийства. Песнь крови взревела до крещендо, и огонь, бушующий в его крови, ответил не на шутку; Эймонд заплясал со смертью в танце.

Движения Эймонда были насквозь драконьими — грубыми и быстрыми; стремясь к низким, грязным джебам вместо плавного, изящного стиля боя, которому его научили на тренировочном дворе. Его фехтование не было фехтованием, которым он научился хвастаться на турнирах, это был стиль одноглазого мальчика, который вырос, борясь за все в своей жизни. Опасное мастерство, отточенное до смертельной точности и подкрепленное испытаниями войны, где единственным искусством обращения с оружием было размахивать им достаточно сильно, чтобы оно прорезало кости.

Эймонд увернулся от атаки уродца и повернулся, нанеся удар по щиту невысокого человека, сломав его и отбросив того назад. Эймонд повернулся и поймал удар уродливого ублюдка сверху, жестокая сила удара отразилась сквозь сталь и истекла кровью в его руки. Он стиснул зубы и оттолкнул его, Темная Сестра взмахнула лезвием лезвия, чтобы встретить натиск его ответного удара, и отвела его в сторону. Он схватил свой кинжал и полоснул шею зверя, когда тот отступал, острие резака порезало кожу человека и нарисовало бисеринку крови.

Свист воздуха щекотал затылок Эймонда, когда он нырнул под дугу топора и уклонился от удара меча. У него не было щита, чтобы отражать удары — он должен был быть проворным и быстрым. Он петлял туда-сюда, его коса хлестала позади него, как серебряная змея, выскальзывая из-под ударов, кружась и извиваясь от края лезвия, обращая силу и скорость своих противников против них самих; используя их отсутствие сотрудничества в своих интересах.

Эймонд увернулся от короткого бокового удара и ответил на него взмахом меча по ноге, глубоко ранив его и вызвав покраснение. Придаток был почти разорван на колене; мужчина ошеломленно споткнулся, но взял себя в руки, вонзив меч в грязь, как костыль.

« Ублюдок! — прогремел он. « Чертова пизда! Я тебе голову отверну , ебаный урод! я ...

Все, что он еще обещал сделать с Эймондом, было прервано, когда девушка, которую они намеревались напасть и изнасиловать, ударила его по лицу толстой веткой дерева, удар был настолько сильным, что у него сломалась челюсть от его силы. Она стояла с дикими глазами и прерывисто дышала.

— Я... — прохрипела она, но Эймонд не обратил на нее внимания.

Он отправил свой кинжал в полет, и он попал между глаз человека. Слова булькали у него во рту, а кровь пузырилась. Он упал на землю замертво, но Эймонд уже отвернулся.

Он не упустил возможности и продвинулся на оставшегося противника. Он был на голову выше Эймонда и вдвое тяжелее его, облачен в доспехи из темной стали и вооружен тяжелым двуручным палашом. Вблизи он оказался еще уродливее, чем Эймонд представлял. Поистине отвратительное лицо изуродованной плоти и бледных черт лица. Его широкое бледное лицо исказилось, когда он злобно зашипел .

"Ой? Что это? Мольба от крысы? — усмехнулся Эйемонд, скривив рот в жестокой, восторженной улыбке. — Значит, ты знаешь, что должен смиренно обращаться к тем, кто выше тебя. Тут я удивился, что у тебя не хватает мозгов понять, кто стоит выше тебя в иерархии.

Его выносливость истощалась; он сильно упирался в свой ушибленный бок, и его зрение начало плавать. Откуда-то Эймонд истекал кровью — он чувствовал, как промокла его рубашка и прилипла к животу. Неважно , это просто уравнивает шансы .

Он был драконом. Никакая простая крыса не могла убить дракона.

Если он не может выдержать затяжной битвы, то он должен вести битву умов.

Он сделал выпад, сверкая Темной Сестрой, порезал открытую кожу и двинулся вбок, потом назад, потом снова вбок — всегда рубя; на его лицо, на его ноги, на его руки. Вскоре удары его противника становились все медленнее, поскольку его меч становился все тяжелее. Эймонд поворачивался и кружил, быстро и проворно двигая его все ближе и ближе к ревущему пламени в кострище. Он скользнул в сторону, Темная Сестра выгнулась дугой, ударив по нагруднику, и сделала два быстрых шага назад. Уродливая скотина еще раз подняла меч, шипя и шатаясь за ним…

…и Эйемонд метнул в лицо несколько угольков огня и прыгнул навстречу удару клинка, обеими руками держась за рукоять меча Темной Сестры. Мужчина взвыл от боли, когда пепел обжег ему глаза, а затем завопил еще громче, когда стремительный рывок привел его прямо в точку Темной Сестры. Меч из валирийской стали пронзил ткань, кольчугу и вареную кожу, прямо и глубоко в его кишечник и спину, неприятно царапая позвоночник. Его меч выпал из безвольных пальцев, его колени подогнулись, его ноги начали дергаться, когда его кишечник опустел — все, что удерживало его, это Эйемонд и меч, которым он пронзил себя.

Эймонд приблизил их лица и, завороженный, опьяненный, наблюдал, как свет покидает бледные, как лунный камень, глаза. — Если увидишь моего дядю, скажи ему, что Эйемонд Одноглазый передает привет, ладно? он прошептал.

Мужчина ничего не сказал, так как внезапно Эймонд поддерживал труп, тяжело обвисший на нем. Эймонд уронил его, Темная Сестра выскользнула из его живота с тихим хлопком.

Он сделал шаг и пошатнулся — его колени грозили подогнуться, но ему удалось удержаться на ногах. Эймонд повернулся с вопросом на губах, его одинокий глаз потемнел и сиял, когда качающаяся ветка дерева устремилась вверх, чтобы встретить его лицо.

Удар.

http://tl.rulate.ru/book/82378/2573140